Ф. 11.

Супруга дѣти сіе для васъ я сдѣлалъ.

ф. 12.

Салдаты сюда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Добродѣтель.

РАЗГОВОРЪ VIII.

О. Разсмотримъ теперь, дѣти мои, въ чемъ должна состоять добродѣтель, и что нужно человѣку для снисканія сего прекраснаго имени добродѣтельнаго человѣка. Припомните ли вы, какое я сдѣлалъ опредѣленіе добродѣтели? Повтори Полинъ.

Ф. Вы намъ сказали, любезной батюшка, что добродѣтель состоитъ въ дѣланіи

добра, имѣя единственное удовольствіе для содѣланія его, безъ всякаго намѣренія и права на равную взаимность. Вы еще прибавили, что слово добродѣтель значитъ твердость, потому что одна она даетъ намъ чувствовать, что должно имѣть довольно твердости, чтобъ дѣлать добро, даже противъ собственныхъ нашихъ выгодъ.

О. Я вижу, сынъ мой, что ты меня слушалъ съ пользою. Скажи мнѣ теперь Фелиція, лучше ли слѣдовать правиламъ добродѣтели, или правиламъ нравоученія?

Ф. Мнѣ кажется, что сей отвѣтъ заключается въ самомъ

опредѣленіи, которое вы здѣлали добродѣтели. Слѣдуя правиламъ нравоученія, мы дѣлаемъ разплату, гдѣ каждой во взаимности обязанъ бываетъ равно за одолженіе другому; но добродѣтель совсѣмъ напротивъ: она учитъ насъ съ великодушіемъ творить добро, милостыню. Несравненно лучше дѣлать добро за добро, нежели изъ любви къ подлой корысти.

О. И такъ, дѣти мои, вы увѣрены, что добродѣтель есть гораздо лучше для счастія людей, нежели простое нравоученіе.

Ф. Что касается до меня, то я не колебаюсь подтвердить это.

О. А естьли я вамъ окажу, что нравоученіе несравненно полезнѣе, тогда что вы скажете?

Ф. Ахъ! вы опровергаете самое прекраснѣйшее мнѣніе, вами мнѣ внушенное.

О. Утѣшьтесь, дѣти мои, я никогда не прерву хорошихъ мнѣній, возраждающихся въ вашемъ сердцѣ; но я только хотѣлъ испытать васъ и поправить.

Нравоученіе есть основаніе всего хорошаго. Я теперь употреблю всѣ мои старанія и нѣжность на пользу вашу; ибо подобными благодѣяніями самъ пользовался отъ моихъ

почтенныхъ родителей; а вы по примѣру сему должны будете также сами сообщать ихъ дѣтямъ вашимъ. Теперь я исполняю сей драгоцѣннѣйшій долгъ, который вы должны также будете выполнить въ свою очередь. Не дѣлайте зла никому для того, чтобъ другой не могъ вамъ онаго причинить; помогайте бѣднымъ, потому что сами имѣете нужду въ помощи: вотъ законы цѣлаго свѣта. Что, думаете вы, сдѣлалось бы съ людьми, дѣти мои, естьлибъ сіи законы были презрѣны? Конечно все бы разрушилось.

Всѣ люди напротивъ почитаютъ ихъ съ несомнительною точностію, и земля

пребудетъ истиннымъ жилищемъ невинности, и всегда будетъ споспѣшествовать къ блаженству каждаго. Таковы суть дары нравоученія: добродѣтель составляетъ онаго совершенство; она дѣлаетъ славу человѣку и творитъ щастливыми всѣхъ людей: къ сему особенно споспѣшествуетъ нравственность.

Берегитесь, друзья мои, подумать, чтобъ я захотѣлъ стѣснить ваши души и отвлечь отъ добра, которое зависитъ отъ вашей власти. Ахъ! перестанемъ страшиться большихъ трудовъ! Мы часто бываемъ далеки отъ нашихъ должностей, и сверхъ того нѣкоторыя, хотя и великія стара-

нія, но бывають очень слабо вознаграждаемы. Посмотримъ, друзья мои, какія суть главныя добродѣтели человѣка.

И такъ сначала я поставлю приверженность къ подобнымъ себѣ. Сіе великодушное чувство ведетъ насъ къ тому, чтобъ жертвовали собою для другихъ, отъ чего и произходитъ все добро, нами дѣлаемое. Во второмъ мѣстѣ я буду говорить о добродѣтели, которая предполагается въ сердцѣ того, кто ее исполняетъ: тутъ надобно имѣть болѣе мужества, чтобъ посвятить себя для щастія другаго, т. е. дѣлать добро тому, кто тебѣ сдѣлалъ зло. Наконецъ мы заключимъ часть сію

примѣчаніемъ о добродѣтеляхъ, касающихся лично насъ самихъ.

О приверженности къ подобнымъ себѣ.

Отецъ продолжая:

Теперь лучше начать для васъ разсужденіемъ, обратясь къ предлагаемому мною предмету. Полинъ! что разумѣется чрезъ приверженность къ подобнымъ себѣ?

П. Разумѣется истинно добродѣтельный человѣкъ, долженствующій жертвовать собою для всѣхъ тѣхъ людей, которые просятъ его помощи.

О. Но при сихъ великодушныхъ жертвахъ наблю-

даетcя ли какой порядокъ? Должно ли cтаратьcя для неизвѣcтнаго преимущеcтвенно другу, родителю?

П. О, нѣтъ! натурально cперьва должно вcпомоществовать родителямъ, а потомъ чужимъ.

О. Предназначимъ cебѣ методъ для нашихъ разcужденій: cначала поcтавимъ cебѣ правиломъ cлужить безъ разбору вcѣмъ подобнымъ cебѣ; но въ подобныхъ обcтоятельcтвахъ, когда требуетcя помощь, надобно предпочеcть cвое cемейcтво и cвое отечеcтво.

П. Теперь я очень хорошо вcе cіе обозрѣлъ. Еcтьлибъ

мнѣ случилось имѣть одинъ кусокъ хлѣба, и узнать, что вы въ крайней бѣдности, то безъ сомнѣнія; естьлибъ имѣлъ довольно добродѣтели предпочесть жизнь другаго собственной, но по всей справедливости, любезной батюшка, я отдалъ бы вамъ мою пищу, а не чужому, которой испытывалъ бы равное нещастіе.

О. Точно такъ. По симъ правиламъ разсуждалъ одинъ отецъ въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ.

Ф. О любезной батюшка! сіи слова напоминаютъ мнѣ объ одной удивительной услугѣ со стороны одного отца къ своему семейству. Хотя тому

уже и очень много времени, какъ я сіе читала; но однакожъ никогда сего не забуду. Ты увидишь, Полинъ, что добрый отецъ до какой степени можетъ жертвовать собою для своихъ дѣтей. Одинъ бѣдный человѣкъ, именемъ Яковъ, снискивалъ свое пропитаніе прилѣжною работою, содержалъ жену и четырехъ сыновей своихъ. Это было для него великимъ бременемъ; но онъ, сколько могъ, удовлетворялъ своимъ нуждамъ, и не жаловался никогда: не работа его устрашала, но крайняя нужда въ первой потребности для его любезнаго семейства. Сей бѣдной Яковъ столь мало вырабатывалъ, что иногда самъ себѣ отказывалъ въ пищѣ,

чтобъ дать только дѣтямъ; онъ все терпѣлъ, имѣлъ также присутствіе духа, которое довело его до чрезвычайнаго опыта. Между тѣмъ, не смотря на все старанiе, бодрствованiе и упорство, преодолѣвалъ свою нещастную участь, Яковъ видѣлъ себя изнуреннымъ отъ страшной бѣдности. Жена его и дѣти претерпѣвали жестокую нужду, голодъ, и проливая слезы, требовали хлѣба. Яковъ, не могши ничего дѣлать, плакалъ вмѣстѣ съ ними; наконецъ, преодолѣвая стыдъ, сродной такому чувствительному человѣку, пошелъ просить милостыни у прохожихъ и незнакомцевъ, кои презираютъ его. Сей нещастный выходилъ и просилъ роб-

кимъ голомъ, съ лицомъ омоченнымъ въ слезахъ. Но голосъ его не слышанъ сталъ, а слезы непримѣтны. Естьли кто по случаю давалъ ему милостыню, то чрезъ нее жена его и дѣти утоляли свой голодъ на нѣсколько минутъ.

Однажды сей нещастный бѣжалъ въ отчаяніи по улицѣ, и встрѣтился съ однимъ изъ своихъ товарищей, который не задолго предъ симъ былъ также бѣденъ, какъ и онъ. Сей, будучи пораженъ горестію, въ которой находилъ Якова, спрашиваетъ о причинѣ оной. Я пропалъ! отвѣчалъ бѣдной человѣкъ; жена, дѣти со вчерашняго полудня ничего не ѣли, и... я не знаю, что дѣлать...

Мнѣ должно умереть. Другъ мой, сказалъ онъ ему, тронувшись его положеніемъ, вотъ двѣ копейки, вотъ все, что я могу дать тебѣ; но естьли ты хочешь имѣть больше, то я тебѣ скажу средство. Я сдѣлаю все, отвѣчалъ Яковъ съ живостію, даже что и противъ честности. Пусть такъ, продолжалъ товарищь его, поди въ эту улицу, тутъ живетъ нѣкоторой человѣкъ, онъ учится кровь пускать, и вѣрно дастъ тебѣ сколько-нибудь денегъ.

Яковъ бѣжитъ къ лѣкарю: онъ пустилъ ему кровь изъ одной руки и заплатилъ. Случилось ему узнать о такомъ же дѣлѣ и въ другомъ мѣстѣ: онъ бѣжитъ туда, и заставляетъ пустить себѣ кровь изъ

другой руки. Сей человѣкъ, столь почтенный и достойный сожалѣнія, будучи внѣ себя отъ радости, купилъ хлѣба и спѣшилъ возвратиться домой и раздѣлить его между дѣтьми и женою. Они видяпіъ перемѣнившійся цвѣтъ лица его, и когда онъ сѣлъ, кровь начала течь изъ рукъ его. Другъ мой! батюшка! что съ вами сдѣлалось? спрашивали они, вы велѣли пустить себѣ кровь! Любезная жена, милыя дѣти! сказалъ онъ имъ съ глубокимъ вздохомъ, заключая ихъ въ своихъ объятіяхъ, такъ, я это сдѣлалъ... сдѣлалъ, чтобъ не дать вамъ умереть съ голода. (Смотри стр. 11.).

Ты можешь судить, братецъ, какихъ чувствъ должно

быть преисполнено все семейство, узнавъ о необыкновенной приверженности.

Сей нѣжной отецъ былъ истинно любимъ, какъ и заслуживалъ сіе.

О. Сей анекдотъ довольно хорошъ, дочь моя, и сего примѣра о добродѣтели довольно вамъ, чтобъ видѣть, сколь она велика должна быть къ своему отечеству. Посмотримъ, въ чемъ состоитъ признательность къ отечеству. Скажи Полинъ.

П. Она состоитъ въ томъ, чтобъ пользу отечества предпочитать собственной, и въ случаѣ не дорожить жизнію для пользы оной.

Ѳ. Хорошо Такимъ образомъ Принцъ, или Градоначальникъ бывъ далекъ отъ честолюбія, посвящаетъ въ свое время власть и даже здоровье для общественной пользы, то онъ справедливо можетъ назваться добродѣтельнымъ человѣкомъ.

Простой гражданинъ по всеобщему узаконенію содержитъ на свой счетъ постой, и проч., равно исполняетъ признательность свою къ отечеству.

Наконецъ тотъ, кто много трудится, и къ кому обыкновенно имѣютъ довольную признательность, есть воинъ, подвергающій жизнь свою опасности, для сохраненія своихъ

законовъ и для предохраненія согражданъ отъ чужаго ига.

II. Чтобъ дать понятіе вамъ о воинскомъ патріотизмѣ, я разскажу о молодомъ Ассѣ.

Асса былъ Капитаномъ въ Аверскомъ полку. Во время войны въ 1770 году застигла ночь его въ одномъ лѣсу, куда и пробирался онъ далѣе, опасаясь быть схваченнымъ.

Едва успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ окружила его толпа непріятелей, которые приставляли къ груди его штыки и грозили смертію, естьли онъ произнесетъ одно слово. Сіе молчаніе, благопріятствуя силѣ непріятельской, стоило великой потери Фран-

цузовъ. Асса не устрашился и не дорожилъ собственною жизнію для спасенія многихъ; онъ тотчасъ закричалъ изъ всѣхъ силъ: слушай! непріятели! непріятели! При сихъ словахъ его поражаютъ ударами, и онъ падаетъ жертвою своего геройскаго патріотизма. Такова военная добродѣтель! (Смот. стр. 12.)

О. Такая смерть оставила по себѣ безсмертную славу; и Богъ, всевидящій сокровенность сердецъ нашихъ, не оставляетъ ни однаго добраго дѣла безъ награды, и безъ сомнѣнія въ жилищѣ праведныхъ будетъ утѣшенъ. Сія черта болѣе показываетъ храбрости, нежели человѣчества.

Я теперь вамъ не буду изъяснять различныхъ родовъ добродѣтелей и ихъ представлять; ибо довольно для жизни сказать, что человѣкъ посредствомъ ее можетъ сдѣлаться у людей почтеннымъ. Ваше сердце при каждомъ разѣ вамъ это скажетъ, когда вы будете дѣлать добро, и тутъ вы почувствуете какое-то доброе къ тому впечатлѣніе; ему не бойтесь никогда предаваться. Разсмотримъ, какія суть частныя добродѣтели.

О частныхъ добродѣтеляхъ.

Чрезъ сіе слово намѣренъ я показать вамъ, дѣти мои, тѣ усилія, какія производитъ надъ собою великодушное серд-

це для укрощенія пагубныхъ желаній, возраждающихся въ немъ.

Кажется, что сначала страсти наши и пороки должны только намъ самимъ ко вреду служить; но развращая насъ, дѣлаютъ не только насъ самихъ нещастными, но и тѣхъ, съ коими мы бываемъ сопряжены. Люди, безъ умѣренности принимающіе пищу и всякаго рода питія, употребляютъ во зло свое здоровье и разоряютъ свои семейства; лѣнивый отъ своего нерадѣнія и нищеты вдвое заставляетъ терпѣть тѣхъ, которыхъ онъ долженъ пропитать своею работою. Мы видѣли изъ примѣра Александра Великаго

страшное дѣйствіе гнѣва, происходящаго отъ вина. Всѣ наши страсти сдѣлаются опасными, естьли мы не укротимъ ихъ при началѣ, и сіе единственно зависитъ отъ нашего бодрствованія и рѣшимости.

И такъ, мои любезныя дѣти, какъ только вы примѣтите порочную наклонность, то старайтесь всѣми силами потушать ее: не должно послаблять тѣмъ первымъ желаніямъ, которыя льстятъ намъ и окончаются нашею погибелью. Есть одна добродѣтель, которая для насъ полезнѣе другихъ; и для сего мы должны съ большимъ раченіемъ въ ней укрѣпляться, потому что поддерживаетъ наше достоин-

ство; она состоитъ въ томъ, что намъ должно пріучать себя къ терпѣнію всѣхъ бѣдствій и неизбѣжности нещастій.

Тотъ, кто при первомъ нещастіи плачетъ и жалуется на участь свою, есть подлой человѣкъ; онъ не размыслилъ, что въ семъ свѣтѣ мы подвергаемся безпрестаннымъ страданіямъ, и что чѣмъ болѣе мы жалуемся на нихъ, тѣмъ болѣе они усугубляются. Человѣкъ, впадшій въ нещастіе, не зная, какъ должно переносить свою участь, былъ ближе къ содѣланію какой-нибудь низости для перемѣны своего состоянія. Бодрость въ терпѣніи облагородствуетъ наше нещастіе и

уменьшаетъ заботы, сопровождающія оное. Послушайте, я вамъ разскажу нѣкоторыя черты изъ исторіи одного человѣка, который при самомъ величайшемъ нещастіи показалъ великость духа своего, которой онъ не потерялъ при самой крайней печали.

Эпиктетъ былъ слабаго сложенія, изнуренъ, и что всего жальчѣе, былъ рабъ одного злаго человѣка, который не имѣлъ никакой къ нему жалости и поступалъ съ нимъ какъ со скотомъ, созданнымъ для нашихъ прихотей и нуждъ. Онъ истинное имѣлъ право жаловаться на участь свою; но къ чему сіе послужило бы? *Я нахожусь, говорилъ онъ, въ томъ*

мѣстѣ, какое мнѣ назначило Провидѣніе, и жаловаться на это значило бы оскорблять Его.

Онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣлъ, и видя, что и другіе также переносятъ свои бѣдствія, забывалъ собственное. Какъ! вскричалъ онъ, естьлибъ кого осудили на казнь, нужно ли, чтобъ всѣ были также осуждены? Онъ переносилъ крайнюю бѣдность какъ обыкновенныя злощастія. *Мы очень виновны*, говорилъ онъ, *что обвиняемъ бѣдность въ томъ, что она содѣлала насъ нещастными; наше высокомѣріе, наши безпредѣльныя желанія, они - то дѣйствительно дѣлаютъ насъ толь-*

но презрѣнными. Будемъ ли обладателями цѣлаго свѣта, владѣніе его не могло бы избавить насъ отъ нашего страха и печали: одинъ разумъ имѣлъ надъ симъ всю власть; его поступки соотвѣтствовали его хорошимъ правиламъ. Вотъ превосходное доказательство!

Господинъ его, человѣкъ съ обыкновенными странностями, свойственными твердымъ людямъ, билъ его однажды палкою по ногѣ. Эпиктетъ съ холодностію говорилъ ему, что онъ перешибетъ ногу. Варваръ усугубилъ свою наглость, и дѣйствительно разбилъ кость. Тогда мудрецъ сь спокойствіемъ сказалъ ему: не говорилъ ли я вамъ, что вы разшибете мнѣ ногу? (Смотр. фиг. 13.)

Приводя вамъ подобные примѣры, дѣти мои, желаю, чтобъ вы подражали онымъ и оказывали бы на самомъ дѣйствіи: для сего нужно имѣть мужество, которое есть удѣлъ преимущественныхъ и отличныхъ людей.

Цѣль моего ученія не къ тому клонится, чтобъ требовать безъ разбора терпѣнія, что было бы слишкомъ жестоко; но чтобъ научить переносить съ твердостію духа какъ всякое зло и нещастіе, могущее встрѣтиться, со всѣмъ мужествомъ и не унижаться, всего болѣе подлыми дѣлами. Теперь приступимъ къ добродѣтели, которая увѣнчаетъ всѣ другія и найдетъ несравненно еще

лучшія — это скромность, дѣти мои! Я хочу изъяснить вамъ ее. Научаетъ она насъ дѣлать добро въ равности и безъ хвастовства.

Кто облегчаетъ нужды другаго изъ тщеславія, тотъ соединяетъ съ благотворительностію униженіе и надмѣнъ нѣжности. Естьли кто дѣлаетъ добро изъ любви къ добродѣтели, тотъ все дѣлаетъ изъ усердія тихо и скрытно. Для сего я хочу, дѣти мои, показать вамъ хорошій примѣръ, которому увѣщаваю васъ стараться всѣми силами подражать. Тотъ, кто намъ показалъ его собою, есть одинъ изъ превосходнѣйшихъ Философовъ нашей націи, это

Монтескье сочинитель, безсмертнаго творенія, извѣстнаго подъ названіемъ: Духъ законовъ. Сей великій мужъ, будучи въ Марсейлѣ, прогуливался по морскому берегу. Робертъ стоялъ въ гавани и дожидался, не придетъ ли кто-нибудь въ его ботикъ? Монтескье пришелъ и сѣлъ въ его лодку, но тотчасъ хотѣлъ опять выдти изъ нее, думая, что хозяина тутъ не было, ибо онъ не почиталъ Роберта перевощикомъ. Онъ сказалъ ему, что покуда хозяинъ не пришелъ еще, то успѣетъ перейти въ другую. Послушайте, сударь! сказалъ ему молодой человѣкъ: эта лодка моя, скажите только, куда хотите ѣхать. Не изъ пристани ли? Нѣтъ, от-

вѣчалъ онъ, теперь не больше часа остается времени, и я хотѣлъ только нѣсколько разъ проѣхать по гавани, чтобъ насладиться свѣжестію прекраснаго вечера. Но ты совсѣмъ не походишь на перевощика и говоришь не такъ, какъ твои товарищи говорятъ. Это правда, я не перевощикъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, но принимаю на себя сей промыселъ по Воскресеньямъ и другимъ праздникамъ, чтобъ выработать больше денегъ. Какъ! возможно ли въ твои лѣта быть такъ трудолюбиву? сказалъ Монтескье, это помрачаетъ красу твоей юности и уменьшаетъ достоинство, какое внушаетъ твоя щасливая физіогномія. Ахъ, Сударь!

естьли бы вы знали, для чего я это дѣлаю, то вѣрно бы не почли сіе за низость моего характера. Можетъ быть я и несправедливъ въ семъ, сказалъ Монтескье, но тебѣ надлежало бы лучше объясниться. Пойдемъ прогуляемтесь, а между тѣмъ ты мнѣ разскажи свою исторію.

Одну великую имѣю печаль, сказалъ ему молодой человѣкъ, причаливъ ботъ свой: отецъ мой страждетъ въ оковахъ, а я лишенъ средства избавить его. Онъ былъ въ семъ городѣ купеческимъ маклеромъ; собравши себѣ небольшой капиталъ частью отъ своей хорошей эко-

номіи, частію получилъ отъ матери, накупилъ товаровъ и отправлялъ на корабляхъ въ Смирну. Онъ хотѣлъ самъ быть при размѣнѣ своихъ товаровъ и выбрать изъ нихъ лучшіе. На пути корабль былъ захваченъ морскими разбойниками и отведенъ въ Тебуанъ, гдѣ мой нещастной родитель находится въ неволѣ со всѣми своими спутниками. Требуютъ за него выкупу двѣ тысячи ефимковъ. Но какъ онъ все употребилъ для совершенія столь важнаго предпріятія, то мы не въ состояніи заплатить такую большую сумму, между тѣмъ мать моя и сестры работаютъ день и ночь, и я также тружусь у золотыхъ дѣлъ мастера и сверхъ того по

праздникамъ, какъ вы видите. Мы доведены до нуждъ первой необходимости; одна тѣсная комнатка составляетъ все наше жилище. Въ началѣ думалъ я поѣхать въ неволю вмѣсто моего отца и освободить его, пріемля на себя его оковы, и былъ готовъ исполнить свое намѣреніе; но мать моя, не знаю, отъ кого узнала о семъ моемъ намѣреніи, увѣрила меня, что это столько же необыкновенно, какъ и сумазбродно, упросила всѣхъ Капитановъ, которые тогда отправлялись въ Левантъ, чтобъ они меня съ собою не брали. Получаете ли вы какія извѣстія отъ вашего отца? спросилъ Монтескье. Извѣстенъ ли тебѣ его начальникъ въ Тетуанѣ? и какъ съ

нимъ тамъ обходятся? — Начальникъ его надзиратель надъ садами тамошняго владѣльца, поступаетъ съ нимъ по человѣчески, и работы, въ кои его употребляютъ, сносны по его силамъ. Но мы раздѣлены съ нимъ и не можемъ подать ему ни утѣшенія, ни помощи въ нуждѣ его; онъ удаленъ отъ насъ, удаленъ отъ любезной супруги и дѣтей, которыхъ онъ любилъ съ нѣжностію. — Какъ называется онъ въ Тетуанѣ? — Онъ не перемѣнилъ своего имени, его зовутъ также, какъ и меня здѣсь въ Марсели, Робертомъ.

Робертомъ? а начальникъ надъ нимъ смотритель садовъ тамошняго владѣльца? Такъ,

государь мой. — Нещастіе твое меня трогаетъ, но судя по чувствамъ, смѣю вамъ предсказать лучшую участь и желаю єего отъ всей искренности. Тутъ отозвалъ онъ его въ сторону, и сказавъ нѣсколько словъ, ушелъ.

При наступленіи ночи Робертъ по приказанію вышелъ на берегъ. Тогда Монтескье вышелъ изъ бота, отдалъ ему кошелекъ свой и ушелъ такъ скоро, что тотъ не имѣлъ времени и поблагодарить его. Въ кошелькѣ было шестнадцать лудоровъ золота и десять ефимковъ серебромъ. Такая щедрость подала высокое мнѣніе о томъ, кто былъ къ оному способенъ. Робертъ искалъ своего благодѣ-

теля, чтобъ возблагодарить его, но тщетно.

Спустя шесть недѣль послѣ того приключенія, сіе честное семейство Роберта, которое не переставало неутомимо трудиться, чтобъ скопить надобную сумму, сидѣло за своимъ умѣреннымъ столомъ, состоящимъ изъ хлѣба и сухихъ плодовъ, какъ вдругъ взошелъ Робертъ отецъ пристойно одѣтый и засталъ родныхъ своихъ въ бѣдности и печали. Пусть представляли себѣ удивленіе и восторги юныхъ дѣтей его! Добрый Робертъ бросается въ ихъ объятія и благодаритъ за пятдесятъ луидоровъ, которые отданы ему при вступленіи на корабль,

гдѣ заплачено было напередъ за содержаніе и перевозъ, и за данное ему платье; онъ не знаетъ, въ комъ познать такую ревность и любовь, и кого особенно долженъ благодарить.

Новое изумленіе сдѣлало всѣхъ неподвижными, и всѣ смотрѣли въ безмолвіи другъ на друга. Наконецъ мать прерываетъ молчаніе, воображая, что все это сдѣлалъ сынъ; разсказываетъ ему, какъ хотѣлъ заступить его мѣсто, и снявъ на себя рабство, какъ она ему воспрепятствовала. Для избавленія твоего намъ надобно двѣ тысячи ефимковъ: мы уже ихъ имѣемъ, предупредила она и больше половины, изъ коихъ лучшая часть есть

плодъ его трудовъ; безъ сомнѣнія онъ нашелъ благодѣтелей, которые ему въ томъ помогли. Отецъ стоялъ въ задумчивости и молчалъ, потомъ оборотился къ своему сыну и сказалъ ему: нещастный! что ты сдѣлалъ? могу ли быть признателенъ за твое освобожденіе безъ сожалѣнія? Какъ могъ ты скрыть сію тайну отъ твоей матери, не слѣдуя стезею добродѣтели? Юношѣ, сыну невольника и нещастливца, возможно ли достать такую сумму, не подвергнувъ себя какой нибудь опасности? Трепещу подумать; но вижу, что любовь сыновняя сдѣлала тебя виноватымъ: признайся, будь чистосердеченъ, и мы погибнемъ лучше, неже-

ли сдѣлаемся нечестными людьми. Успокойтесь, батюшка, говорилъ молодой Робертъ, обнимая его, сынъ вашъ не сдѣлался недостойнымъ сего названія; онъ нещастливъ только тѣмъ, что не можетъ ясно показать вамъ, сколь вы ему любезны. Не мнѣ и никому изъ насъ не одолжены вы свободою; но я знаю нашего благодѣтеля. Матушка! помните ли вы сего незнакомца, который отдалъ мнѣ свой кошелекъ: онъ разспрашивалъ тогда о батюшкѣ: онъ точно есть нашъ благодѣтель. Я буду его искать и приведу сюда насладиться плодами своихъ благодѣяній. Потомъ разсказалъ онъ отцу своему разговоръ съ незнакомцомъ, и та-

кимъ образомъ вывелъ его изъ сомнѣнія и страха.

Робертъ, возвратившись домой, нашелъ друзей и не былъ ими оставленъ; всѣ дѣла его восприяли столь хорошій видъ, что чрезъ два ода сдѣлался онъ достаточнымъ человѣкомъ и вмѣстѣ съ женою и дѣтьми наслаждался своимъ благополучіемъ. Онъ былъ бы совершенно щастливъ, естьлибъ только безпрестанныя развѣданія сына не остались тщетными, и онъ вѣрно нашелъ бы скоро своего благодѣтеля, естьлибъ онъ не скрывался и не хотѣлъ принять ихъ признательности. Однажды въ Воскресенье прогуливаясь по гаванѣ, встрѣтился съ незнакомымъ. Ахъ,

благодѣтель мой! вскричалъ онъ и бросился въ безпамятствѣ къ ногамъ его. Монтескье спѣшитъ утѣшить его и спрашиваетъ о сей причинѣ. Какъ, Государь мой! можете ли вы спрашивать объ этомъ, отвѣчалъ ему молодой человѣкъ; развѣ вы забыли Роберта и его нещастное семейство, которому вы возвратили жизнь, возвративъ ему любезнаго отца? — Ты ошибаешься, другъ мой, сказалъ добродѣтельный Монтескье, желая остаться совершенно неизвѣстнымъ, и ты меня не знаешь равно, какъ и я тебя: я не здѣшній житель и очень недавно сюда пріѣхалъ. — Все это можетъ быть; но вспомните, какъ вы года за два съ небольшимъ бы-

ли здѣсь и прогуливались въ гавани; участіе, какое вы приняли въ моемъ нещастіи; вы разспрашивали обо всемъ меня обстоятельно, дабы сдѣлаться нашимъ благодѣтелемъ. Избавитель отца моего! можете ли вы забыть, что ощастливили цѣлое семейство, которому теперь ничего болѣе не осталось желать, какъ только увидѣть васъ?

Не оставьте усерднаго моего прошенія и пойдемъ-те посѣтить содѣланныхъ вами щастливцовъ. — Другъ мой! я сказалъ уже тебѣ, что ты ошибаешься. Нѣтъ, Государь мой! я не ошибаюсь, черты лица вашего глубоко напечатлены въ моемъ сердцѣ. Воз-

можно ли мнѣ не узнать васъ? Прошу, заклинаю васъ, пойдемъ-те со мной.

Молодой Робертъ взялъ его за руку и хотѣлъ приневолить идти съ собою. Толпа ихъ окружала. Тогда Монтескье, чтобъ совершенно освободиться отъ него, принялъ на себя важной видъ и сказалъ: Государь мой! вы мнѣ въ великую тягость и скуку: можетъ быть сходство въ лицахъ приводитъ васъ въ заблужденіе; опомнитесь, подите домой, успокойтесь, мнѣ кажется, для васъ это очень нужно.

Какая жестокость! вскричалъ молодой Робертъ, благодѣтель цѣлаго семейства! для

чего уменьшать вамъ наше благополучіе, за которое, кромѣ васъ, мы никому не обязаны? Уже ли я тщетно умоляю васъ? ужъ ли вы будете непреклонны? Откажитесь отъ своей благотворительности, за которую съ столь долгаго времени обязаны вашей чувствительности! Вы предстоящіе здѣсь, вы свидѣтели моего смущенія и безпорядка, до коего я доведенъ, сжальтесь и помогите упросить сего виновника нашего щастія, чтобъ онъ пошелъ со мною и увидѣлъ бы плоды своего благодѣянія!

При сихъ словахъ Монтескье собралъ всѣ силы, все искусство, дабы избѣгнуть той радости и удовольствія,

какое тогда ему было представляемо, ушелъ изъ толпы народной въ минуту и скрылся отъ глазъ.

Творецъ столь прекраснаго дѣла остался бы неизвѣстнымъ, естьлибъ послѣ смерти его не нашли въ бумагахъ его подъ нотою 7500 ливровъ, посланныхъ имъ денегъ къ одному банкиру въ Кадиксъ. Наслѣдники его, желая узнать, для чего была послана столь знатная сумма, изъ любопытства потребовали отъ банкира отчета, на что онъ отвѣтствовалъ, что деньги сіи по приказанію Барона Монтескье онъ употребилъ для выкупа изъ Марселя одного невольника, именемъ Роберта, содержаща-

гося въ Тетуанѣ. Тогда загадка обнаружилась, и добродѣтельный человѣкъ, хотя уже въ гробѣ, но слава его осталась на землѣ, — слава, коей онъ по всей справедливости достоинъ; а мы должны ему своею признательностію за его щедрость; я говорю, признательность, хотя не намъ онъ оказалъ сію щедрость, но мы также должны уважать цѣну качествъ такого благодѣтеля, не смотря на то, кому бы она не была оказана: по братству намъ должно радоваться щастію другаго, въ противномъ случаѣ холодность наша ознаменовалась неблагодарностію и была бы знакомъ, что мы не любимъ добродѣтель.

Дѣти мои! я увѣренъ, что все то, что я вамъ теперь пересказалъ, произвело живѣйшее впечатлѣніе, что это послужитъ для васъ урокомъ, который научитъ васъ, какъ истинно добрые люди должны помогать ближнимъ. Подобная благотворительность столько жъ достойна награды предъ Богомъ, какъ и предъ людьми. Молодой Робертъ былъ примѣромъ добрыхъ сыновъ; вамъ должно послѣдовать ему.

Должно дѣлать добро и за самое зло.

Вотъ одна изъ прекраснѣйшихъ, благороднѣйшихъ и трудfestнѣйшихъ добродѣтелей. Естьли бы у васъ доставало на сей случай столько терпѣнія и си-

лы, чтобъ дѣлать добро тому, кто вамъ причинилъ зло: то ручаюсь вамъ, что всѣ прочія добродѣтели показались бы вамъ самыми легчайшими въ исполненіи. Безъ сомнѣнія сначала покажется вамъ почти совсѣмъ не возможно склонить себя дѣлать добро тому человѣку, который сдѣлалъ зло: между тѣмъ обязывайте его и принуждайте себя къ тому, и вы скоро насладитесь симъ, и узнаете какъ цѣну своего преодолѣнія, такъ и верхъ удержанный надъ собою; при чемъ и сами будьте влекомы дѣлать добро, тогда вы обезоружите непріятеля своего и месттію противу васъ вооруженнаго, и и въ то же время отымите у сердца своего ненависть, по-

чувствуетъ себя выше своего непріятеля, перестанетъ ненавидѣть его, и естьли онъ имѣетъ неповрежденное сердце, то онъ окажетъ вамъ должную справедливость и будетъ объ васъ столь же хорошо думать, сколько прежде худо; а естьли не возвратится къ вамъ, то останется презрѣннымъ въ глазахъ всѣхъ людей; вы будете имѣть преимущество въ мнѣніи, какое сдѣлаютъ объ васъ и объ немъ. Наконецъ, чтобъ лучше напечатлѣть въ умѣ вашемъ красоту и цѣну великодушія, заставляющаго насъ дѣлать добро за зло, разскажу вамъ слѣдующій апологъ, въ которомъ сія добродѣтель столь хорошо показана съ от-

личіемъ честности и человѣколюбія.

Одинъ престарѣлый отецъ хотѣлъ раздѣлить имѣніе свое тремъ своимъ сыновьямъ, которое есть плодъ его трудовъ и промышленности.

Раздѣливъ на три равныя части и опредѣливъ каждому свою часть: еще остается у меня, примолвилъ онъ, одинъ алмазъ дорогой цѣны; я его отдамъ тому, кто себя лучше окажетъ въ какомъ-либо благородномъ и великодушномъ поступкѣ: для сего даю вамъ сроку на три мѣсяца.

Не медля трое сыновей разходятся и приходятъ въ назначенной имъ срокъ и явля-

ются къ своему отцу. Вотъ что разсказываетъ старшій сынъ:

„Любезный батюшка! во время моего странствованія встрѣтился я съ однимъ иностранцемъ, которой будучи въ такомъ обстоятельствѣ, что принужденнымъ нашелъ себя ввѣрить мнѣ свой кошелекъ съ нѣсколькими тысячами червонцевъ, не взявъ отъ меня никакого письменнаго обязательства, почему и не могъ сдѣлать на меня никакого доказательства, ни подозрѣнія на залогъ; но я ему вѣрно все возвратилъ: сія вѣрность не заслуживаетъ ли награжденія? Старикъ отвѣчалъ: Ты сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать; въ

противномъ случаѣ, естьлибъ поступлено было иначе, то надлежало бы умереть со стыда; ибо честность есть долгъ: твое дѣло, есть дѣло справедливое, но не великодушное.

Тутъ въ свою очередь началъ среднiй сынъ: Во время моего путешествiя я былъ на берегу озера. Тутъ шелъ одинъ мальчикъ, и по неосторожности упалъ въ него, и онъ утонулъ бы, но я его вытащилъ и спасъ. Жизнь въ глазахъ зрителей: они могутъ засвидѣтельствовать сiю истинну моего благодѣянiя. Хорошо, отвѣчалъ отецъ, но сiе дѣло не имѣетъ въ себѣ ничего благороднаго, кромѣ человѣколюбiя. Наконецъ меньшой: Батюшка!

сказалъ онъ: я нашелъ одного моего смертельнаго врага, спящаго на краю пропасти. Малѣйшее движеніе, сдѣланное имъ, низвергнуло бы его туда; жизнь его была въ моихъ рукахъ: я потихоньку и съ великою осторожностію разбудилъ его, и отвелъ отъ сего роковаго мѣста. Любезный сынъ мой! вскричалъ доброй отецъ, прижимая его въ свои объятія, тебѣ по справедливости принадлежитъ сей діамантъ.